

Давно хотелось пообщаться с феминисткой. Так просто, за жизнь. Уж больно люди загадочные. С самыми оголтелыми разговаривать пока опасаясь, потому как уж очень я ранимый. Надо вначале поработать профессиональную защищенность.

Остановился на кандидатуре умеренной, женщине симпатичной, профессионале уважаемом. Рязанцева Наталья Борисовна, кинодраматург. Автор сценариев «Долгие проводы» (фильм Киры Муратовой), «Крылья» (Лариса Шепитько), «Голос» и «Чужие письма» (Илья Авербах) и многих других.

— Наталья Борисовна, а отчего так бывает, когда идешь с девушкой, то другие девушки на тебя обращают больше внимания, чем когда идешь один? Это что, инстинкт соперничества?

— Ну, а для кого мы стараемся одеваться, хорошо выглядеть?

— Для кого?

— Да, конечно, для женщин. Очень редко для мужчин. Если для мужчин, то совершенно определенных. Если нравится какой-то определенный мужчина. А на улице, когда идет пара, женщины обычно смотрят на Нее и уже потом, если Она чем-то выделяется, переводят взгляд на Него.

— Проверить, насколько соответствует кавалер?

— Да. На мужчин вообще смотреть неинтересно... Хотя, надо признаться, я встречала женщин, которые совсем иначе к этому относятся. Которые ощущают мужчину как некое физическое существо.

— Наверно, не физическое, а эстетическое, вы хотели сказать?

— Ну, эстетически-физическое, психо-физическое и так далее. Я помню, как много-много лет назад, когда на хронике мы делали фильм про Валерия Брумеля, знаменитого тогда прыгуна в высоту, приходилось часто посещать спортзал Института физкультуры. Я видела, как некоторые женщины на это обращали внимание, что для меня было, прямо скажем, дико. Но вообще-то, я думаю, для большинства женщин это не характерно, — что мужчина может понравиться вот так, в спортзале, издали, только из-за того, что он прекрасен физически.

— Есть ли такая черта характера, которую в первую очередь ждут от мужчины?

— Самообладание. В начале 90-х мне пришлось прочитать множество писем, которые приходили в «Работнику» и «Крестьянку». Писали женщины про свои трагедии. Все — жены инженеров. Которые выходили замуж — думали, что будут жить хорошо. Почти все письма начинались с того, что «мой муж — неудачник». В то время торговая публика уже брала верх, а интеллигенты все сидели на зарплате. Каждый раз в этих письмах было про то, как либо он ее разлюбил, либо она его разлюбила, либо вообще быт заел обоих. Но ведь не

потому она его не любила, что он мало денег приносил, а потому, что она от этого страдала.

— Понятно. Она его любила, но страдала: он мало денег приносил.

— Страдала от того, что у него возникали по этому поводу комплексы. Человек просто уже состоял из комплексов. И та женщина, которая могла бы многое потерпеть и сама заработать, либо перебиться хозяйством, его уже не могла переносить, потому что он начинал либо пить, либо становился совершенно неуравновешенным типом. В конце концов мужчина отвечает за то, чтобы развод проходил нормально, в какой-то человеческой обстановке. Хотя бы за это он должен нести ответственность. Потому что женщина, особенно, если у нее маленький ребенок, в этой ситуации — уже не то, что она есть. И самообладания ждут от мужчины

— Как вы думаете, почему становится все больше одиноких людей? Странно. С одной стороны, народ все более сексуально и коммуникативно раскрепощается, а с другой — вот, одиноких становится все больше...

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

Наталья РЯЗАНЦЕВА:

ЛЮБОВЬ БЕЗ ПОДВОДНЫХ КАМНЕЙ — ЭТО ПРОСТО НЕПРИЛИЧНО

Веч. клуб. - 2001.
18 мая, - с. 7

— Может, потому что происходит, что не всем нравится этот стиль отношений, который навязывается новым буржуазным временем и СМИ. Может, кому-то этот стиль кажется развязным и пошловатым, и это отталкивает людей, и они предпочитают замыкаться в одиночестве...

— Наталья Борисовна, вопрос к вам, как к сценаристу. Ваше отношение к эротике в кино?

— Терпеть не могу смотреть эротические сцены. Кроме редких случаев, когда они необходимы для сюжета. Когда без этого не расскажешь чего-то более сложного.

— Приведите пример, где это работало на сюжет.

— «Последний киносеанс» Питера Богдановича, например. Прелестная, тонкая картина. Мальчики на выпускном вечере. Все стремятся к какой-то любви, заводят какие-то романы. У одного мальчика происходит встреча с женщиной, женой его тренера. Тренер уехал и, видимо, уехал не столько тренировать, сколько изменять своей жене. А мальчик давно влюблен в сороколетнюю эту женщину, несчастную совершенно. И он к ней приходит, и

вот она его жалеет, чем-то его накормила. А мальчик такой... совершенно отбил от сладкой жизни, что ведут его сверстники. И происходит смешная и трогательная постельная сцена. Неуклюжая, потому что он теряет невинность. И все это показано не так, как в порнографии, но достаточно откровенно. И вдруг мы видим, как эта женщина, отвернувшись, плачет. И история получается про то, как вот она решила пожалеть этого мальчика и утешиться с ним, что-то себе даже про это надумала, но...

— Но видит, что ничего у них получиться не может, что все это ни к чему, и от этого ей становится грустно?

— Да, ей ужасно грустно. Она вспоминает про мужа и... там эта эротическая сцена действительно уместна. Вместе со скрипом этой кровати и прочими подробностями, полусмешными, полутрогательными... А в основном мне нравятся эротические сцены, когда это без постели. Когда люди хотят, но по каким-то причинам этого не происходит. Когда есть некие препятствия, какой-то конфликт, какая-то невозможность, которую ощущает зритель и понима-

ет, что здесь заложены какие-то подводные камни. А герои этого не понимают, и мы им сопереживаем. А когда показывают любовь, тем более счастливую, как нечто самодостаточное, по-моему, это неприлично. Просто спекуляция. Смотришь и отворачиваешься... Или вот еще пример. «Несчастный случай» Лоузи. Герой — молодой профессор, семейный. Встречается с аспиранткой, очень красивой девушкой, показывает ей свои угодья. Ведет по саду. Они любят пейзажем, а перед ними огора для скота, жерди такие. Они разговаривают о чем-то умном (она аспирантка, он профессор), а руки положили на эти жерди. И режиссер долго-долго держит кадр на их руках. И вот пока они так стоят и бесконечно долго ведут свой светский разговор, уже так хочется, чтобы между ними что-нибудь случилось. Уже так понятно, что что-то должно случиться! Уже так они успели это наиграть! Плохой режиссер просто бы толкнул героев друг к другу, а Лоузи, он «наживает», делает все, чтобы их роман стал совершенно неотвратимым. Это и есть тот самый саспенс, который не только в кино важен, но и в любви. Саспенс, оттяж-

ка. Раньше всех барышень этому учили, все так или иначе это знали. Что дистанцию надо выдерживать.

— Но сейчас же этого почти нет?

— Я думаю и сейчас, кто похитрее, умеет это делать. Дистанцию можно выдерживать даже в постельных отношениях. Уж так человек устроен, что он должен поволноваться-помучиться, он любит свои трудности.

— Следующий вопрос к вам, как к феминистке, каковой вы себя в печати неоднократно заявляли. Я не понимаю этих западных обвинений в сексизме. В конце концов, инициатива Мужчины, что в мире появляются дети. Так уж он биологически устроен, что во лбу постоянно лампочка горит: «SEX», а у женщины эту лампочку еще надо разжигать... Не понимаю, как можно привлекать к суду самца за то, что он не на то место посмотрел? Не за какие-то личные вещи, а за биологию?

— Не за биологию, а за бескультуры. За погляд не потянут в суд, а вот если, предположим, шеф хлопнул секретаршу по заднице, то она уже может — если не в суд, то во всяком случае кому-то пожаловаться. Ведь не может же она то же самое сделать. Тоже хлопнуть шефа по заднице. Это было бы странным. А ей, может, тоже хочется. Неравноправие.

— Хочется — хлопай! Пусть уж лучше хлопают друг друга, чем по судам собачатся! Может, подобные процессы — и есть причина падения мужской сексуальной силы на Западе? Может, как борьба за равноправие в социальной сфере привела к социальным катаклизмам, так и борьба за равноправие в сфере половой готовит нам в будущем катастрофы, которые сейчас еще и представить трудно? Равноправие — вещь искусственная и опасная.

— Не думаю. Ни к чему плохому пока это не привело. А что касается оголтелого западного феминизма на бытовом уровне, то для нас это не актуально. У нас всегда к этому относились иронически.

— Я не буду утверждать, что яйцо, что курица, что причина, что следствие, но то, что феминизм и распад семей находятся в какой-то связи, это очевидно. А социологи говорят, что распад семей приводит к кризису государственности. Взять хотя бы римскую империю на момент ее распада.

— Знаете, у Окуджавы есть замечательное стихотворение: «Вселенский опыт говорит, Что погибает царства, Не потому что тяжек был Или страшны мьгарства. А погибают от того — И тем страшней, чем дольше — Что люди царства своего не уважают больше». Уж если говорить об ответственности за эти вещи, за то, что эта страна распалась при нас, это полностью ответственность мужской половины населения. А женщины только и делали, что все починяли и подчищали.

...Но все-таки, как так?! Такая хорошая женщина — и вдруг феминистка? Загадка!

Встречался
Юрий СОЛОДОВ